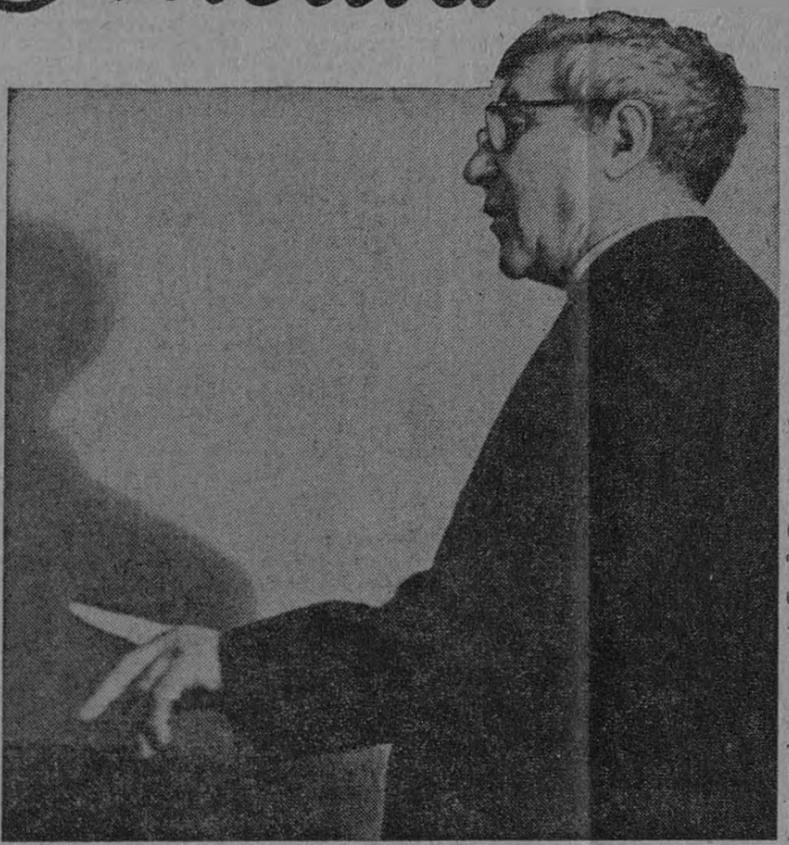

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ

Брат Алеша

ВИКТОР (входя). Люся,
принес пленку.
ЛЮСЯ. Все записалось?
(Начало пьесы)

Он БЫЛ непредсказуем. Это отмечают все его студии. В основном происходило так, что Он свое последнее слово говорил наоборот. Тому, что ожидалось, или тому, что говорили другие. Или тому, что говорил Он сам автору до читки пьесы. До—хвалил, а после—порицал. Или до—не говорил вообще, загадочно безмолвствовал, брэнчал леденцами в корбочке, а потом разражался хулой или хвалой. Все оцепенело молчали и шли домой.

Это происходили занятия арбузовской студии драматургов.

Иногда Он только говорил: «Черт знает что».

Своей ученице и любимому другу Оле написал книгу как раз так: «Все считают, что вы моя ученица, а вы черт знаете что».

Другой ученице подписал фотографию «от навеки перепуганного педагога».

Третьей ученице — Ане — сказал (когда встретил ее и спросил, пишет ли она пьесы, в она ответила: «Ничего не пишу. Ничего не идет, эти не пропускают, те не дают»): «Пишите только для меня одного».

Из пленки. Аркадий: «Он любил их, они женщины обаятельные, и он это тоже учитывал, но тем не менее, вот я бы так не мог, но он набирался духу и говорил им...»

Что говорил — известно.

Эти уходы домой. После занятий шли пешком до какого-нибудь метро, не могли расстаться, провожали Его, друг друга, перезванивались по приходе домой. Собирались просто так. Встречали Новый год днем раньше все вместе, мыли окна и полы, когда строили свой театр в подвале, собирали деньги на ремонт, когда подвал сгорел и его отобрали. Когда один из студийцев, у которого был тяжелый период, должен был читать пьесу, то все зверски друг друга предупреждали: «Только хвалить!» Хотя обычно-то ругали. Но сейчас видно, что это негласное указание исходило от Него. Эта история получит свое продолжение, когда речь зайдет о пьесе «Улица Шолом-Алейхема, 40».

Как Он тосковал, какая гомерическая, огромная тоска по людям все время толкала Его на бесконечные разговоры (он, правда, больше молчал), встречи ради других. Он любил. Любил: футбол, консерваторию, бывать на людях, красавцев и красавиц, ездить, рассказывать о поездках, всю родню, старых друзей, терпеть не мог плохие концы, надеялся, что ему удастся этого избежать... Но вынес все до конца стоически. Первое дело, по которому Он вышел из дому после больницы, с палочкой, пошел к начальству хлопотать о квартире для одного из нас. Начальство отсутствовало. «Оставил гневную записку», — сообщил Он. Не любил чужого неблагополучия ужасно. Уезжал в Дубулты, а мы Его провожали. Был вечер, закат, ветер, Он поднялся на ступеньки и величественно брякнул: «Вы все дураки». Чуть ли не последняя была поездка... Он вообще обожал произносить загадочные фразы типа «Завтра мой день складывается странно» или «Здесь нет решительно никакого Беляева».

Один раз он сказал:
— Вы пишете пьесу?
— Нет.

— Напрасно! — пауза, загадочно: — Что может быть лучше! — пауза, загадочно: — Виктор (входя)...

Придя после Его похорон домой, засыпая от усталости, первый раз в жизни написал: «Виктор (входя)». Пьеску закончила — только для Него, только в Его честь. Как-то даже в шутку, потому что в шутку многое писалось в нашей студии. Пьеса, другая пьеса в ответ... Арбузов к нам однажды привел постороннего, посторонний стал нас учить и сказал: «Есть два варианта: можно писать медленно и хорошо или можно писать быстро и плохо». Мы все оживились. Дело шло к скандалу. Саша, пригнувшись, предложил еще один вариант: «Можно медленно и плохо». Через некоторое время читали новую

пьесу, которая была названа в честь инцидента «Быстро хорошо не бывает...». Всерьез же ведь это не воспримешь, это «Виктор (входя)». А для Него это было знамя. Как после Его похорон обнаружили студии, даже скорее не знамя, а просто древко, на котором ничего не висит, опознавательный знак, далеко видный всему отряду: куда идти. Так гид иностранцев в метро весело поднимает папку или книгу, не оборачиваясь, чтобы глухие и немые, безадресные, как дети, туристы знали, куда идти. Знак поднятой, машущей руки.

Куда он вел?

Обнаружилось, что Он просто вел, чтобы шли. Во-первых, обожал движение. Во-вторых, как уже указывалось, предпочитал компанию. Хотя вызвать Его на серьезный разговор было невозможно. Выудить, что Он думает о ремесле, не удалось. Вызвать секреты — ни за что!

Вот почему просто древко: ничему не учил.

Есть древний, как выяснилось, педагогический канон: лучше всего дети учатся от детей. Обучая, обучаются сами быстрой. Ланкастерова, что ли, система взаимного обучения.

Сидел, катал за щекой леденец. Никогда им не угостил. Отвыкал от курения. Молчал. Читали очередную пьесу. Перерыв на кофе с бутербродами. Общая горсть мелочи, хохот, все голодные, делят сигареты, быстрый обмен новостями, про пьесу молчок, отделяются шутками. Затем все пришли и рассаживаются, а Он в это время говорит с одним-двумя, которые ради того жертвовали бутербродами и паслись в проветриваемой комнате, останавливаясь в поле Его зрения как бы в задумчивости. Он брезгливо говорил: «Прекратите это» (имея в виду курение). Пришедшие заставляли медленный разговор типа «В Париже, помню» (любил толочь воду в ступе про заграничку).

Говорить с Ним было испытанием. Вместе ничего не боялись: кричали, даже на Него. Хотя всегда с трепетом. Но правду! Из пленки. Марк: «Я никак не мог наладиться с Ним, мне всегда было трудно, я чувствовал себя школяром, хотя мы иногда говорили такие вещи Ему в глаза. Он являл пример российского интеллигента. Он гениально сумел сохранить себя».

Другие считали, что Он являл пример российского аристократа. Но Он тоже боялся своих учеников (фраза про навеки перепуганного педагога). Тоже неплохое для воспитателя качество — отвага. Где преодоление испуга, там смелость.

Но как мы все чувствовали себя перед Ним стесненной! Мы, взрослые, стареющие, матери и отцы школьников, потом студентов, кормильцы семей, мы, по пьесам которых с трудом, но уже шли спектакли, мы, такие разные, что даже слушали друг друга иногда со специальной целью не идти в одну сторону. — мы боялись. Не Его отрицания. Оно было безобидно, его было много. Мы боялись Его, как боялся любимого человека.

Случались и обсуждения Его пьес. Он не сморгнув (хотя и со смущением) приносил и читал нам. Мы не сморгнув обсуждали. И не щадили Его, уважая в нем товарища. Он был перед нами со своими бумажками и должен был выслушать все, что выслушал бы любой из нас. Как мы его любили! Но были беспощадны. Он посвятил «Жестокие игры», свою пьесу, «товарищам по студии». Наши-то игры были тоже жестокими. Хотя были играми в древнем понимании, играми на ристалище, отточенным оружием...

Мы сочинили о нем стихи: «Дорогой Алексей Николаич, брат Алеша, наш друг и товарищ».

Наши пьесы могли быть плохими. И слабыми.

Обсуждения всегда взрывались с огромной силой. Каждый под свою искренность закладывал себя, свою будущую работу. Ты не соврал, и я тебе не вру. И никаких там «Старик, поздравляю». Никто не врал. Жалели, это было, даже иногда выбирали выражения. Но все равно — ничего, кроме правды.

Наши пьесы иногда Его жутко раздражали.

Марку влетело за его «Историю лошади» ото всех. Кричали так, что второй руководитель студии, М. Г. Львовский, не вынес и ушел, отпечковался и создал другой семинар драматургов вместе с И. К. Кузнецовым. Шел март 1974 года.

...Арбузов сам назначал, кому читать в следующий раз. Вот тоже была мука: ожидать своей очереди. И вот вдруг звонок старосты, Вени: «Ты читаешь?».

Волновались. Сводило рот, тряслись челюсти. Холодели руки-ноги. Затем, отбарабанив, слушали отзывы по кругу: окаменея, погрузившись во всеобщее (всеобщее!) поучение и порицание. Товарищи, называется, и еще хохочут, когда Арбузов назначает говорить не по часовой стрелке, а наоборот. Говорить на обсуждении первым всегда тяжело. Или вдруг укажет: «Начинайте!» Нытье: «Почему я?» Каменное: «Начинайте!» Хохот.

Сидя сиделкой в госпитале, в нейрохирургии, я видела, как матросы хохочут над только что принесенным с тяжелойшей процедуры товарищем. Хохотать могли, поскольку (странно) и тому становилось легче, и они ведь тоже так валялись на койках лицом вниз — только что.

Странная это вещь — смех. Высвобождение, победа над скованностью, над проклятой жизнью, над гибелью...

Был такой — один из последних — семинар, когда Ему было уже плохо. В теплый весенний день собрались мы у Его подъезда, чинно вошли в квартиру. Рита, Его жена и наш друг, встретила нас озабоченно. Только что был приступ аритмии. Он будет лежать. Мы вошли, Он лежит.

Читать был назначен один такой наш красавчик, который принес как раз контактную на тему рассказов Чехова, но как-то! «Палата № 6», «Скрипка Ротшильда», «Черный монах». Такая миленькая пьеса в двух жутких действиях. Пьеса-то, может быть, и хорошая, но... Рядом лежит человек с закрытыми глазами, к нему подсажен Лева, наш бывший врач, следить, каков будет общий вид и не звать ли «скорую», и Лева жутко напуган своей миссией, потому что давно все забыл и совестится давать советы, в отличие от нас, которые не медики и в медицине поголовно секут. «Лева, следи» — «Да я... Да как...»

И вот чтение. Тянутся сумасшедшие, врачи, смерти, гробы, болезни, о господи! Все, оцепенев, смотрят, дышит ли Он. Он же лежит, закрывши глаза. Лева от ужаса готов уже ползти к телефону. Все в панике. И вдруг при словах «Снова вносят гроб» народ начинает давиться от хохота. За окном апрель, свистят птички, Арбузов брезгливо садится, накрывает пледом большую ногу. Ему жить еще два года. Автор пьесы остается единственным скорбящим в этой компании. Справились. Одолели. Арбузов, кажется, отказался даже обсу-

дать пьесу. Говорили о том, что как странно: перебор смешного рождает пустую голову, а перебор страшного — хохот.

Счастливые дни не очень счастливых людей, которым предстоит все то же, что и другим людям, плюс неверный, малый заработок, вечные скорби с театрами, вечное топтание пяток по личностям, чужим телефонам, ожидание звонков... И ночами писанина. А живые посулы режиссеров, участливые голоса их женок. Завлито дадут в театр плохие билеты...

Но — счастливые годы!

Поскольку есть один человек, которому до нас есть дело.

Вот история с Аркадием (пленка): «Вени мне сказал однажды: А. Н. требует от тебя пьесу. А я не мог написать пьесу. Ну, был момент — не мог, и все, два года не мог написать. Тогда я сел и написал ему письмо, что, мол, дорогой А. Н., я не могу Ваших требований выполнить и, извините, ухожу из студии. Ну, пришел я

на последнее занятие, думаю, дай посмотрю в последний раз на Арбузова. И вдруг он, обращаясь ко всем, говорит: «Все вы люди вообще нехорошие, но вот я верю, один человек пьесу напишет. Это Аркадий». Я спрашиваю: «Позвольте, вы что, не получили мое письмо?» (Реплика: «Вот это педагог, вот это учитель!») А он отвечает: «Получил и именно поэтому верю, что вы напишете». И я клонул на эту примитивную педагогику. Он меня взял вообще гениально — примитивная лезть — на крючок!» (Реплика: «Макаренковский прием».)

На улице перед Театром имени Станиславского в Москве, когда идет пьеса «Улица Шолом-Алейхема, 40» и толпится народ под фонарями и сшибает лишние билеты, вспомним эти макаренковские штучки...

Другого он вынудил написать пьесу — и чем! — сотней рублей! Позвонил: «Пишете пьесу?» — «Нет!» «Почему же?» — «Машинка сломалась». — «Вызовите мастера!» Дерзко: «Нет денег!» Через три

дня перевод, сто рублей, и мелкие буковки: «Отдадите, когда сможете». Сто рублей были торжественно, три года спустя, отданы на юбилее Арбузова, в день его 75-летия. Но студия решила, что пусть это будет переходящая арбузовская премия, и эти сто рублей перешли нашему товарищу драматургу Нине Садур. «Отдадите, когда сможете», — так он писал. Когда выйдет пьеса «Чудная баба», Нина! Отдашь, кому найдешь нужным...

Когда идет спектакль «Три девушки в голубом» на улице Чехова в Москве — вспомните, зрители, эти сто рублей, от данные, как это говорилось в старину, «на поддержание храма» (когда по бедности рассыпалась деревянная церквушка, пышно называемая храмом).

Как Он переживал за каждого! За Володю, чья прекрасная пьеса «Тринадцатая полочка» так и не увидела света — пока еще, за Сашу, у которого наконец-то вышла «Ночь ангела» в Театре Маяковского, а Арбузов сказал как бы между прочим, уронил: «Слава богу, последнего с плеч долой». Виктору он написал: «Будьте мобильней!», а пять лет спустя после выхода его спектакля «Взрослая дочь молодого человека»: «Все идет по плану. Вперед!» Вперед — это была пьеса «Серсо».

«История лошади» Марка, фильм «Карнавал» Ани, он же пьеса «Прогулки по Москве», спектакль в Театре на Юго-Западе по пьесе «Самозванец» Левы, спектакль в студии Табакова «Страсти по Варваре» Оли, Венина «Дорога» в Театре на Малой Бронной, Лешин «Старый дом» в Новом драматическом театре, Сашина пьеса «Во времена Шекспира»... Это малая часть тех работ, которые уже поставлены, или кочуют по редакциям и театрам, или еще лежат в столе... Малая часть того, что было написано в арбузовской студии...

Когда Его хоронили, вспоминали, что Он никогда не шел на компромиссы, не писал пьес о ЖЗЛ, не делал инсценировок чужих мемуаров. Он писал пьесы, был этому делу верен до конца, даже в больницах диктовал, уже плохо владея речью... Видимо, не мог понять, как это мы, молодые (для него), здоровые (для него), способные (по его мнению), можем не сесть и не написать: «Виктор (входя)».

«Виктор (входя): Я принес пленку...»

Вы прочли отрывки стенограммы из этой пленки — последнего собрания арбузовской студии в день Его похорон.

Мы — это третье поколение учеников Арбузова.

Первое — это драматурги Авенир Зак, Исая Кузнецов, Михаил Львовский, артист Зиновий Гердт и другие, авторы спектакля «Город на заре».

Второе — драматурги Михаил Шатров и Игнатий Дворецкий.

Третье — драматурги Вениамин Баласный, Аркадий Инин, Владимир Карасев, Алексей Казанцев, Лев Корсунский, Ольга Кучкина, Людмила Петрушевская, Александр Ремез, Анна Родионова, Александр Розанов, Марк Розовский, Виктор Славкин, Аркадий Ставицкий.